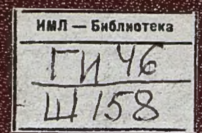
Шадрин И.
Свободная
Россия.

Казань 1917

Иларій Шадринъ.

Свободная Россія.

(Дни Великой Русской революціи, ея завоеванія и какъ уберечь ихъ).

Изданіе второе.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Окружнаго Штаба
1917 г.

Россія свободна. Пало самодержавіе. Рухнули, наконецъ, цѣпи рабства, которыми сотни лѣтъ былъ окованъ русскій народъ. Свергнуто старое правительство, отрекся царь, и *свободный народъ избралъ себѣ новое, свое правительство, изъ людей, облеченныхъ довѣріемъ страны.* Въ Таврическомъ дворцѣ закладываются первыя камни великаго зданія Свободной Россіи, тамъ, при тѣсномъ участіи народныхъ силъ, создается *новый строй правленія, новая народная власть.*

Все великое значеніе совершившагося съ 26-го февраля по 3-е марта даже представить трудно; трудно охватить мимолетнымъ взоромъ то безпредѣльное поле прекрасныхъ возможностей, которое открылось для страны событіями этого краткаго времени. Во всей полнотѣ это поймется и оцѣнится потомъ, когда жизнь войдетъ въ свое русло и потечетъ мирнымъ порядкомъ. Сейчасъ же можно только чувствовать это, предвкушать радость грядущихъ свѣтлыхъ дней, радоваться и плакать свѣтлыми слезами, что наконецъ пали цѣпи рабства, наконецъ то свободенъ великій народъ.

Какъ же произошли эти великія событія?

14-го февраля, какъ извѣстно, послѣ долгаго и вынужденнаго перерыва, вновь была созвана Государственная Дума. До самаго послѣдняго момента страна ждала, что царь наконецъ исполнитъ мольбы и требованія народа, уберетъ ненавистныхъ министровъ и дастъ новое правительство, которому бы вѣрила страна, за которымъ бы могла смѣло идти въ годину великихъ испытаній. Но тщетны были всѣ мольбы. Царь оставался глухъ къ нимъ. И предъ собравшейся Государственной Думой вновь предстали враги ея и враги народа.

Ни царь, ни даже его первый министръ не пожелали явиться къ представителямъ народа, чтобы объяснить въ какомъ положенiи находится оборона отечества и внутренняя жизнь Государства, есть ли надежда на побѣду надъ нѣмцами и есть ли надежда, что народу будетъ данъ хлѣбъ, что ему не придется умирать съ голода.

Вмѣсто перваго министра, вышелъ министръ земледѣлiя Риттихъ и въ пространныхъ рѣчахъ сталъ доказывать, что все обстоитъ благополучно, что хлѣба достаточно, что онъ позаботился обо всемъ и что все виноваты земцы и интеллигенты, которые наговорили крестьянамъ, что надо-де оставлять хлѣба и для себя, и на посѣвъ, и для скота, и что поэтому крестьяне и не везутъ хлѣбъ, но что онъ и его чиновники привели все въ порядокъ и теперь бояться нечего. *Изъ этихъ рѣчей министра народные представители и народъ поняли, что все остается по старому, что при этомъ правительствѣ не только нѣтъ надежды на обезпеченiе страны продовольствiемъ, но нѣтъ надежды и на побѣду надъ врагами.*

И такъ какъ въ столицѣ начинался уже настоящiй голодъ, куска хлѣба приходилось ждать цѣлыми днями, стоя на морозѣ и вѣтрѣ; и такъ какъ отъ внутренней разрухи и безхлѣбья особенно сильно страдали рабочiе столицы, то они первые и начали волноваться, они первые и подняли знамя возстанiя. И вотъ 21 февраля на окраинахъ столицы начался разгромъ лавокъ и пекаренъ. Огромныя толпы народа ходили по улицамъ съ крикомъ: „Хлѣба"! „Хлѣба"! 23-го и 24 съ окраинъ столицы народное волненiе перекинулось въ центръ города.

Съ ранняго утра 25 февраля правительство приняло мѣры къ недопущенiю рабочихъ въ городъ. На всѣхъ углахъ главныхъ улицъ были поставлены большiе наряды полицiи, усиленные конными жандармами и стражниками: по улицамъ разъѣзжали патрули; на мостахъ черезъ Неву были поставлены кордоны.

Но не смотря на всѣ эти мѣры, къ двѣнадцати часамъ дня на Знаменской площади, противъ Нико-

лаевскаго вокзала, была уже десятитысячная толпа. Движеніе трамвая было остановлено, нѣсколько вагоновъ опрокинуто; на памятникъ Александра III взобрались ораторы и стали говорить рѣчи къ народу о дѣйствіяхъ правительства, призывая народъ требовать замѣны этого безтолковаго и безчестнаго правительства людьми облеченными довѣріемъ страны. Были выкинуты красные флаги. На помощь полиціи, пытавшейся разогнать толпу, показались казаки съ пиками наперевѣсъ. Толпа шарахнулась въ разныя стороны и очистила площадь. Спустя нѣкоторое время манифестанты вновь собрались въ большомъ количествѣ уже на Казанской площади. Послышались рѣчи и пѣніе революціонныхъ пѣсенъ. Полицію и казаковъ встрѣчали криками „Хлѣба“! „Хлѣба“! Появился отрядъ солдатъ, которые съ примкнутыми штыками вплотную подошли къ толпѣ и толпа очистила площадь.

Послѣ этого правительство приняло уже самыя рѣшительныя мѣры. Ночью на вышкѣ Николаевскаго вокзала, на каланчѣ Городской Думы, на крышѣ дома Зингера, на Исаакіевскомъ соборѣ, на Адмиралтействѣ и на многихъ правительственныхъ зданіяхъ были поставлены пулеметы. Утромъ были вызваны войска и разставлены по улицамъ; всѣ мосты и переѣзды, по которымъ рабочіе могли прорваться въ городъ, были оцѣплены густыми кордонами изъ пѣшихъ и конныхъ жандармовъ и казаковъ. По улицамъ разъѣзжали усиленные патрули.

Голодному, изстрадавшемуся народу министры царя вмѣсто хлѣба готовили сталь и свинецъ.

Привыкшіе къ насилію и убійству они и не думали о томъ страшномъ преступленіи, къ которому готовились. Такъ дѣйствовали они всегда и другого способа удовлетворенія народныхъ требованій, иной мѣры успокоить возмущенный народъ они и не знали и не хотѣли знать.

48

Въ центрѣ города день прошелъ сравнительно спокойно, но зато на окраинахъ толпа уже не разбѣгалась при появленіи полиціи, а на оружіе отвѣчала оружіемъ, и было много раненыхъ и убитыхъ, но раненыхъ и убитыхъ не войсками, которые уже настраивались дружелюбно къ народу, а полицейскими. Переодѣтые полицейскіе, „фараоны", какъ ихъ прозвали потомъ, скрываясь на крышахъ домовъ и въ разныхъ укромныхъ мѣстахъ, стрѣляли въ толпу изъ револьверовъ, ружей и пулеметовъ.

Наступила ночь. Вотъ какъ описываетъ впечатлѣнія ея одинъ изъ очевидцевъ.

„Весь Невскій погруженъ въ непроницаемую темноту. Не свѣтится ни одного окна, не блещетъ ни одного фонаря. Лишь съ вышины Адмиралтейства время отъ времени вспыхиваетъ блестящій лучъ сильнаго прожектора. И бродитъ онъ по всей длинѣ улицы, нащупывая что то, что то жадно отыскивая. Улица кажется пустой. Только здѣсь и тутъ на углахъ застыли силуэты черныхъ всадниковъ, и то здѣсь, то тамъ поблескиваютъ штыки винтовокъ. Холодно. На углахъ кое гдѣ слабо мерцаютъ костры и вокругъ нихъ грѣются группы озябшихъ солдатъ. Жутко. Напряженно тихо.

Но вотъ зазвучали революціонныя пѣсни, послышался тяжелый топотъ шаговъ: изъ улицы Гоголя на Невскій проспектъ вышла толпа рабочихъ. Идутъ стройно, въ порядкѣ, грозные въ своей непоколебимости. Видно какъ колышатся флаги; сильнѣе и тверже звучатъ голоса. И разомъ все засуетилось, забезпокоилось на широкой улицѣ. Скрылись черные силуэты всадниковъ, опустѣли углы, и съ лихорадочной торопливостью забѣгалъ, засуетился во тьмѣ почи яркій лучъ прожектора. Вотъ онъ нащупалъ идущую къ Знаменской площади густую толпу людей, жадно покружился надъ ней и замеръ наконецъ, освѣщая ихъ всѣхъ до одного человѣка. Ни одинъ изъ рабочихъ не дрогнулъ; не порвалась, не ослабѣла пѣсня свободы. Сторожкую тишину рванулъ гулкій выстрѣлъ.

Другой. Характерно затрещали пулеметы. Заработали исконные палачи русскаго народа, стараясь удержать падающую старую власть, вѣря еще въ возможность спасенія. Немолчно звучали выстрѣлы. Тихо, безъ стона падали люди. Но неудержимо шли рабочіе, и еще звучнѣе, еще болѣе грозно звучала ихъ пѣсня гнѣва и свободы". („Свободныя мысли").

И этотъ предательскій планъ борьбы съ народомъ, какъ установлено, былъ выработанъ и приведенъ въ исполненіе министромъ внутреннихъ дѣлъ Протопоповымъ, этимъ новымъ Малютой Скуратовымъ, такъ любезнымъ сердцу Николая второго. Народное движеніе постепенно принимаетъ характеръ организованнаго и планомѣрнаго. Были избраны особые Комитеты, которые и стали руководить движеніемъ. Среди рабочихъ производились выборы Совѣта рабочихъ депутатовъ. Яснѣе стала опредѣляться и задача движенія—не простой протестъ противъ возмутительныхъ дѣйствій правительства, а полное сверженіе его и замѣна новымъ.

26-го народное движеніе приняло уже характеръ вооруженнаго возстанія.

„Ничего подобнаго тому, что я видѣлъ въ воскресенье 26 февраля, мнѣ никогда раньше не приводилось видѣть въ моей жизни,—пишетъ одинъ изъ очевидцевъ событій этого дня.—Надѣюсь, никогда ничего подобнаго и не увижу.

Утромъ на всѣхъ стѣнахъ Петрограда мы прочитали приказъ генерала Хабалова съ угрозами: „Не останавливаться ни передъ чѣмъ" при подавленіи народнаго движенія.

Окна моей квартиры выходятъ на Знаменскую площадь и на двѣ улицы—на Старо-Невскій проспектъ и на Гончарную улицу. Въ самомъ началѣ этихъ улицъ, гдѣ они выходятъ на Знаменскую площадь, подъ самыми нашими окнами съ утра стояли въ два ряда солдаты съ винтовками. Они были такъ близко

къ намъ, что мы могли легко разсмотрѣть выраженіе ихъ лицъ, ихъ смѣхъ, ихъ радость, ихъ порой смущенье.

Впереди солдатъ по Старо-Невскому проспекту и по Гончарной ходили мирные жители. У каждаго изъ нихъ было свое дѣло.

На площади были толпы манифестантовъ.

Вотъ офицеръ нѣсколько разъ прокричалъ публикѣ: „Разойтись"! Затѣмъ раздался за душу хватающій звукъ рожка. Черезъ нѣсколько секундъ—второй, еще черезъ нѣсколько—третій... Затѣмъ послышалась спокойная команда офицера стрѣлять.

Я видѣлъ какъ были взведены курки, какъ откинулось потомъ ружье, я услышалъ выстрѣлы, и вслѣдъ затѣмъ тамъ, гдѣ то вдали раздались вопли... Стѣна заслоняла отъ меня тѣхъ, въ кого стрѣляли, но я отчетливо услышалъ, какъ уцѣлѣвшіе бросились по сторонамъ, какъ раздались стоны тѣхъ, кто не былъ сразу добитъ. Скоро мимо меня двое солдатъ пронесли на рукахъ тяжело стонавшую старуху, другіе солдаты пронесли мимо насъ умирающаго человѣка, неспособнаго даже стонать. Онъ былъ весь въ крови.

Но вотъ новая команда офицера. Раздался выстрѣлъ. Новые стоны гдѣ то впереди".

А вечеромъ на площади противъ Казанскаго собора стрѣляли залпами даже въ лежащихъ, и здѣсь убитыхъ было особенно много.

Государственная Дума, освѣдомленная о всемъ происходившемъ за стѣнами Таврическаго дворца и возмущенная до глубины души преступными дѣйствіями правительства, вынесла слѣдующую резолюцію:

„Правительство, обагрившее свои руки въ крови народной, не смѣетъ болѣе являться въ Государственную Думу, и съ этимъ правительствомъ Государственная Дума порываетъ навсегда".

Въ этотъ же день предсѣдатель Государственной Думы послалъ царю первую предупреждающую телеграмму такого содержанія: „Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Тран-

спортъ, продовольствіе и топливо пришли въ полное разстройство. Растетъ общее недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣнценосца".

Какъ видимъ изъ этой телеграммы, Государственная Дума все еще питала нѣкоторую надежду на благоразуміе царя и не хотѣла той развязки событій, къ которой пришла черезъ два дня.

Одновременно эту телеграмму предсѣдатель Думы послалъ и всѣмъ главнокомандующимъ фронта, прибавивъ къ ней просьбу поддержать его ходатайство предъ царемъ. Генералъ Брусиловъ телеграфировалъ въ отвѣтъ: „Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ предъ родиной и царемъ исполнилъ". Телеграмма генерала Рузскаго гласитъ: „Телеграмму получилъ. Порученіе исполнено".

Значитъ царь зналъ все. Но царь молчалъ, надѣясь на силу штыковъ, на силу своихъ приверженцевъ.

Между тѣмъ движеніе народное продолжало развиваться съ удвоенной быстротой и силой. Гнѣвъ народа и ненависть къ преступному правительству росли съ каждымъ часомъ, съ каждымъ новымъ залпомъ свинца, выпущеннымъ въ народъ. Народъ пришелъ въ отчаяніе и рѣшилъ или побѣдить или умереть.

Не смотря на стрѣльбу залпами солдатъ, одѣтыхъ въ форму Волынскаго и Литовскаго полковъ, какъ потомъ оказалось, не солдатъ, а переодѣтыхъ въ эту форму полицейскихъ; не смотря на стрѣльбу „фараоновъ" съ крышъ и изъ оконъ,—толпы возмущеннаго народа смѣло двигались по улицамъ столицы, требуя хлѣба и сверженія стараго правительства. Государственная Дума не расходилась до поздняго вечера и, когда стало извѣстно, что царемъ подписанъ Указъ о роспускѣ ея, постановила—завтра, т. е. 27-го собраться на частное совѣщаніе и не покидать столицы. 6

Утромъ 27 февраля Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко послалъ царю вторую предупреждающую телеграмму: „*Положенiе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Насталъ послѣднiй часъ, когда рѣшается судьба родины и династiи*“.

И на эту телеграмму никакого отвѣта не послѣдовало.

А вмѣсто царскаго отвѣта, было расклеено на столбахъ объявленiе командующаго войсками, генерала Хабалова, въ которомъ онъ угрожалъ рабочимъ посылкой на фронтъ, а толпѣ—разстрѣломъ.

Вскорѣ былъ полученъ и Указъ о роспускѣ Государственной Думы, подписанный царемъ еще 25-го февраля. Вотъ этотъ послѣднiй Указъ царя:

„На основанiи ст. 99 основныхъ государственныхъ законовъ повелѣваемъ: занятiя Государственной Думы и Государственнаго Совѣта прервать 26 февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленiя не позднѣе апрѣля 1917 года въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ“.

Совѣтъ старѣйшинъ, собравшись въ экстренномъ засѣданiи и ознакомившись съ указомъ о роспускѣ, постановилъ: „*Государственной Думѣ не расходиться. Всѣмъ депутатамъ оставаться на своихъ мѣстахъ*“.

И въ тотъ же день, къ вечеру былъ избранъ Временный Комитетъ Государственной Думы, а къ полночи—окончательно сформировался и Исполнительный Комитетъ изъ тринадцати лицъ съ предсѣдателемъ Думы Михаиломъ Родзянко во главѣ. Вотъ имена этихъ членовъ перваго Народнаго правительства:

М. В. Родзянко, А. Ф. Керенскiй, Н. С. Чхеидзе, В. В. Шульгинъ, П. Н. Милюковъ, М. А. Карауловъ, А. И. Коноваловъ, И. И. Дмитрюковъ, В. А. Ржевскiй, С. И. Шидловскiй, Н. В. Некрасовъ, В. Н. Львовъ, полковникъ Энгельгардтъ.

Грозное предупрежденiе генерала Хабалова никого уже не устрашало. Улицы были полны рабочихъ. На сторону возставшаго народа стали переходить войска. Волынскiй полкъ, расположенный

въ Артиллерійскомъ переулкѣ и однимъ изъ первыхъ, перешедшій на сторону народа, былъ окруженъ Семеновцами, которые привезли съ собою пулеметы и выставили противъ казармъ. Но схватки между полками не произошло. Къ вечеру Семеновцы сняли осаду и сами стали переходить на сторону возставшихъ.

Литейный проспектъ представлялъ настоящее поле сраженія. Ближе къ Невскому стояли цѣпи солдатъ, на углу Симеоновской были помѣщены три пулемета подъ защитой взвода драгунъ. А у Бассейной улицы „фараоны“ почти безпрерывно обстрѣливали народъ изъ пулеметовъ. Но уже въ другомъ концѣ Литейнаго сворачивая на Шпалерную, проходили Преображенцы съ музыкой и красными знаменами къ Таврическому дворцу для изъявленія покорности новому Народному Правительству.

Вѣсть о присоединеніи войскъ къ народу съ быстротою молніи облетѣла весь городъ и еще болѣе воодушевила возставшихъ, вселяя увѣренность въ побѣдѣ.

Около двухъ часовъ дня 27 февраля сильные отряды революціонной арміи, въ сопровожденіи вооруженнаго народа, подошли къ зданію Государственной Думы. Навстрѣчу имъ вышли члены Государственной Думы: Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенскій, М. Д. Скобелевъ и др.

Появленіе депутатовъ было встрѣчено громовымъ „У р а“! Съ рѣчами къ войскамъ выступили: Чхеидзе, Керенскій и Скобелевъ. Лица, руководившія возставшими солдатами, сняли караулъ у Таврическаго дворца и приняли охрану его на себя. Заняли почту и телеграфъ въ зданіи Думы и поставили часовыхъ. Вооруженныя солдаты, проходя по улицамъ, стрѣляли вверхъ, давая понять, что они разстрѣливать народъ уже не будутъ. Народъ понялъ это и, при поддержкѣ революціонныхъ войскъ, приступилъ къ активнымъ дѣйствіямъ, отъ простыхъ демонстрацій перешелъ къ дѣйствительному захвату власти. Еще утромъ этого дня, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, были взяты: арсеналъ и Главное артиллерійское управле-

нiе, причемъ былъ убитъ завѣдывавшiй складами арсенала генералъ Матюнинъ. Днемъ сильный отрядъ солдатъ и вооруженнаго народа, послѣ краткаго сопротивленiя тюремной стражи, взялъ Выборгскую одиночную тюрьму—знаменитые „Кресты".

Всѣ политическiе заключенные, борцы за свободу, въ томъ числѣ и группа центральнаго военно-промышленнаго комитета, незадолго предъ тѣмъ арестованная, были освобождены.

Потомъ взяты: домъ предварительнаго заключенiя и Литовскiй замокъ (женская тюрьма). Разгромлены и сожжены: тюремное управленiе, охранное отдѣленiе и окружный судъ. Яркимъ факеломъ пылало зданiе Александро-Невской части. Выброшены на улицу, сожжены „полицейскiе дѣла". Какъ крысы разбѣжались „фараоны", какъ крысъ и ловили ихъ. Также были разгромлены и всѣ другiе полицейскiе участки, гдѣ не мало томилось жертвъ стараго порядка.

Настолько быстро совершались событiя, настолько быстро пала старая власть и настолько смѣло и дружно народъ бралъ свои права, что это казалось невѣроятнымъ. Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнiя одинъ изъ очевидцевъ.

„Какъ сонъ наяву, случилось то, о чемъ уже даже не мечталось. Сказка началась для меня въ понедѣльникъ (т. е. 27 февраля) и началась она такъ.

Поѣздъ Финляндской желѣзной дороги неожиданно остановился у семафора. Пассажиры встревоженно выскочили на площадки, на полотно.

Что случилось?

И увидѣли, что случилось нѣчто потрясающее.

Къ поѣзду шелъ патруль: шестеро солдатъ и двое рабочихъ,—всѣ съ винтовками. А на штыкахъ, красные флажки. И глаза у солдатъ были новые внимательные и радостные. И слова у нихъ новыя:

„Граждане! Поѣздъ не пойдетъ". Наканунѣ никто еще не думалъ о революцiи, а сегодня—красные флажки на штыкахъ, и штыки уже не принадлежатъ больше царизму. Солдаты-граждане и насъ называютъ гражданами.

Неужели уже?—Спрашивали радостно-растерянныя лица пассажировъ.

У ж е! У ж е!

Въ вагонѣ второго класса три офицера: старикъ—генералъ и два поручика. Солдаты вошли во второй классъ. У генерала сдвинулись бѣлыя брови: „Э—э! Нижнимъ чинамъ воспрещ. . . и не договорилъ. Увидѣлъ красныя ленточки, флажки.

Что та—ко-е?

Господинъ генералъ! Отдайте ваше оружіе! сказалъ солдатъ.

У генерала задергалась лѣвая бровь. Онъ побѣлѣлъ, потомъ дернулъ плечами и рѣзко всталъ. Офицеры, точно привязанные къ нему ниточкой, вскочили.

Солдаты преградили дорогу винтовками.

—Стой! Оружіе!

—Что—о!? Не смѣть! Присяга твоя! Гдѣ присяга, п. . адлецъ? Красный флагъ, а! М—мерз . . . генералъ задохнулся.

—Вы не подчиняетесь? Вы арестованы,—спокойно заявилъ солдатъ.

Генералъ провелъ по своему бѣлому лицу:

—Кто приказалъ? Солдатъ погладилъ свою ленточку на груди, усмѣхнулся:

—Н а р о д ъ.

—А—а, Народъ? Криво улыбаясь, произнесъ генералъ и, обернувшись къ офицерамъ, съ ироніей повторилъ: Слышите, господа,—Народъ! И сразу погасъ. Не попадая руками куда слѣдуетъ, вытащилъ изъ кармана черный браунингъ и протянулъ солдату:

—В—вотъ!..“

Площадь передъ Финляндскимъ вокзаломъ черна. Она кипитъ и гудитъ. Вспыхиваютъ красные ленты, флаги, мечутся автомобили, ощетинившіеся штыками. Громыхаетъ тяжелый броневикъ съ высунувшейся мѣдной трубой.

Рар—рахъ—р—рахъ!—густо разсыпается гдѣ то пулеметъ.

—Гдѣ это?

—На Ланской. Берутъ самокатчиковъ. . .

Съ обѣихъ сторонъ полотна слышна глухая дробь, точно пересыпаютъ картошку. Эхо повторястъ ее, и кажется будто стрѣляютъ вездѣ, и будто городъ, утонувшій въ ржавой мглѣ, весь въ боевомъ огнѣ. Я сжимаюсь, втягиваю голову въ плечи, но бѣгу впередъ—сами ноги несутъ.

—„Бу—умъ! Бу—умъ! Ра—ахъ!“ Двухъэтажное приземистое зданіе, въ которомъ засѣли самокатчики, окружено дымовой мглою.

Вдоль полотна—сѣрыя фигуры. Присѣли на корточки, вертятъ ручки пулеметовъ. . . Огонь разсыпается широкимъ вѣеромъ, по стѣнамъ казармы барабанитъ свинецъ, звенятъ стекла . . . !“

(„Свободныя мысли“).

И такихъ картинъ, такихъ кровавыхъ схватокъ, братьевъ съ братьями, частью по непониманію, частію изъ подчиненія начальству, въ этотъ день было десятки въ разныхъ частяхъ города.

Одновременно начались и аресты членовъ стараго правительства. Народъ почувствовалъ свою власть и смѣло наложилъ руку на тѣхъ, кто еще вчера считался почти всесильнымъ. Около 5½ часовъ вечера подъ сильнымъ конвоемъ революціоннаго народа былъ доставленъ въ Таврическій дворецъ предсѣдатель государственнаго совѣта и бывшій министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ, одинъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ народа.

Вы, Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ?—спросилъ членъ Исполнительнаго Комитета Керенскій, принимая грознаго сановника.

—Да,—послѣдовалъ отвѣтъ.

—Я членъ Государственной Думы А. Ф. Керенскій. Вы арестованы по моему распоряженію.

—Слушаю-съ,—сказалъ побагровѣвшій сановникъ.

Подъ сильной охраной его помѣстили въ министерскомъ павильонѣ Таврическаго дворца.

На другой день были арестованы: Штюрмеръ, Макаровъ, военный министръ Бѣляевъ, министръ пу-

тей сообщенія Кригеръ-Войновскій, Курловъ, Ширинскій-Шихматовъ, генералъ Комиссаровъ, Петроградскій градоначальникъ Балкъ, главарь черносотенныхъ союзовъ докторъ Дубровинъ и многіе другіе. А перваго марта были арестованы и самые главари: Протопоповъ, Треповъ, Стишинскій, Горемыкинъ, Маклаковъ и Сухомлиновъ—бывшій военный министръ, измѣной своей чуть не погубившій русскую армію и страну. Извѣстіе объ арестѣ его мигомъ облетѣло всю Думу и вызвало въ солдатахъ невѣроятное возбужденіе. „Измѣнникъ"! „Предатель родины"! кричали негодующіе солдаты. Едва, едва удалось отстоять его отъ кровавой расправы. Но генеральскіе погоны съ него всетаки были сорваны.

На сторонѣ народа были уже почти всѣ войска Петроградскаго гарнизона. Преображенцы, Павловцы, полки: Волынскій, Литовскій, Новочеркасскій, Егерскій, Гренадерскій, Московскій, Измайловскій, Кексгольмскій, Финляндскій, 1-й запасный, 9-й запасный кавалерійскій, 4-й стрѣлков. бывшій Его Величества полкъ, посланный изъ Царскаго Села для усмиренія народа, два Сибирскихъ, тоже высланныхъ для усмиренія, электротехническій батальонъ, 2-й Балтійскій флотскій экипажъ, пулеметный и автомобильный взводы, батарея конной артиллеріи и Михайловское артиллерійское училище.

Войска подходили къ Таврическому дворцу, привѣтствуя Государственную Думу и выражая готовность подчиниться ея приказаніямъ. Депутаты выходили къ войскамъ, говорили рѣчи, призывали къ порядку и оказанію поддержки возставшему народу и давали назначенія.

Однимъ изъ первыхъ пришелъ Преображенскій полкъ съ офицерами и командиромъ во главѣ.

—Преображенцы, вниманіе!—Раздалась команда командира полка, взявшаго подъ козырекъ при появленіи предсѣдателя Государственной Думы.

—„Прежде всего, православные воины, началъ Родзянко,—позвольте мнѣ какъ старому военному, поздороваться съ вами: „Здравствуйте, молодцы"!

—Здравія желаемъ, Ваше Высокопревосходительство!—дружно отвѣтили Преображенцы.

—Позвольте мнѣ,—продолжалъ Родзянко,—сказать вамъ спасибо за то, что вы пришли сюда, чтобы помочь членамъ Государственной Думы водворить порядокъ и обезпечить славу и честь родины.

Ваши братья сражаются тамъ, въ далекихъ окопахъ за величіе Россіи, и я гордъ, что мой сынъ съ самаго начала войны находится въ славныхъ преображенскихъ рядахъ. Но, чтобы вы могли помочь дѣлу водворенія порядка, за что взялась Государственная Дума, вы не должны быть кучкой. Вы лучше меня знаете, что безъ офицеровъ солдаты не могутъ существовать. Я прошу подчиниться и вѣрить вашимъ офицерамъ, какъ мы имъ вѣримъ. Возвращайтесь спокойно въ ваши казармы, чтобы по первому требованію явиться туда, гдѣ вы будете нужны.

—Согласны!—отвѣтили Преображенцы.

Но раньше войскъ въ Таврическій дворецъ явились представители отъ рабочихъ, чтобы узнать настроеніе членовъ Государственной Думы и что они намѣрены предпринять.

Стали подходить и выборные отъ разныхъ частей войскъ—руководители движенія. Рѣшили немедленно организовать совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ членъ Государственной Думы Н. С. Чхеидзе, товарищами его: А. Ф. Керенскій и М. Д. Скобелевъ.

Совѣтъ рабочихъ депутатовъ тотчасъ же выпустилъ два воззванія къ народу. Ночью выпустилъ два воззванія и Временный Комитетъ Государственной Думы, въ первомъ—призывая населеніе Петрограда къ порядку и къ сохраненію во имя общихъ интересовъ, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ учрежденій,—а во второмъ—объявляя всѣмъ, что тяжелыми обстоятельствами разрухи онъ вынужденъ взять на себя власть и призываетъ населеніе и армію помочь ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ народа.

28-го февраля отъ Комитета Государственной Думы и Совѣта рабочихъ депутатовъ выпущено обращеніе къ населенію имперіи.

„Граждане! Совершилось великое дѣло: старая власть, губившая Россію, распалась. Комитетъ Государственной Думы и Совѣтъ рабочихъ депутатовъ организуютъ порядокъ и управленіе въ странѣ, и главная работа теперь—обезпечить продовольствіемъ армію и населеніе. Ими учреждена Комиссія продовольственная, и она вѣдаетъ всѣмъ дѣломъ. Запасовъ очень мало, и надо спѣшить ихъ заготовить.

Граждане Россіи, земледѣльцы, землевладѣльцы, торговые служащіе, желѣзно-дорожные рабочіе! Помогите родинѣ: нужно кормить армію и населеніе. Вѣдь врагъ еще не сломленъ. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, протяните руку помощи въ эти великіе, грозные дни! Пусть никто не уклоняется отъ исполненія своего гражданскаго долга. Пусть совѣсть каждаго подскажетъ его дѣло. Скорѣе продавайте хлѣбъ уполномоченнымъ, отдавайте все, что можете. Спѣшите везти его къ желѣзнымъ дорогамъ и пристанямъ и скорѣй доставлять грузы по назначенію. Родина ждетъ вашей общей помощи. Дайте хлѣбъ ея борцамъ и рабочимъ! Время не ждетъ. Каждый часъ дорогъ.

Не медлите, граждане, придите на помощь родинѣ хлѣбомъ и трудомъ“!

Всѣ эти воззванія телеграфно было переданы вездѣ, а вмѣстѣ и распоряженіе по желѣзнымъ дорогамъ за подписью Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко и члена Думы Бубликова—продолжать движеніе безостановочно въ томъ же порядкѣ.

Въ тотъ же день, т. е. 28-го же числа рабочими порохового завода взята Шлиссельбургская крѣпость, служившая мѣстомъ заключенія для болѣе важныхъ политическихъ преступниковъ. Въ числѣ 69 освобожденныхъ узниковъ былъ освобожденъ и членъ 1-й Государственной Думы крестьянинъ И. Е. Пьяныхъ съ сыномъ, упрятанные въ этотъ каменный мѣшокъ, какъ теперь выяснилось, не безъ участія Маркова второго.

Шлиссельбургъ—это одна изъ самыхъ мрачныхъ страницъ Русской Исторіи. Особенно памятна она

борцамъ первой русской революціи. Здѣсь не только томились въ теченіи долгихъ лѣтъ лучшіе сыны народа, смѣло поднявшіе знамя противъ царизма, но многіе изъ нихъ здѣсь отъ руки палача и голову сложили.

Еще утромъ этого дня добровольно сдалась и Петропавловская крѣпость, послѣдняя цитадель столицы и оплотъ самодержавія.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, создавалась и крѣпла власть народа, пока признанная только въ Петроградѣ. Въ Москвѣ движеніе—еще только начиналось, а въ другихъ крупныхъ центрахъ Россіи почти ничего еще не знали о Петроградскихъ событіяхъ.

Многотрудный день новаго правительства завершился приказомъ по арміи, въ которомъ г.г. офицеры приглашались перваго и второго марта явиться въ залъ арміи и флота для регистраціи, полученія удостовѣреній и исполненія порученій Новаго Правительства по организаціи солдатъ, присоединившихся къ народному движенію.

„Не теряйте, г.г. офицеры, ни минуты драгоцѣннаго времени"! Такъ заканчивался приказъ.

Перваго марта событія развертываются значительно шире и захватываютъ уже и провинцію. Въ этотъ день арестованы почти всѣ бывшіе министры, продолжавшіе скрываться до этого времени. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Протопоповъ, сами добровольно сдаются въ руки Новаго Правительства, видя безполезность борьбы и боясь народной расправы. Заняты дворцы—Зимній и Аничковскій. Въ этотъ день признала народное правительство и Кронштадтская крѣпость. При чемъ не обошлось безъ жертвъ. Убитъ адмиралъ Виренъ, державшій сторону стараго правительства.

Въ столицѣ организована милиція изъ рабочихъ и студентовъ. Прекращается стрѣльба на улицахъ; открываются магазины, и жизнь начинаетъ входить въ мирную колею. Желѣзныя дороги все время работали безостановочно.

Второе марта ознаменовалось двумя событіями первостепенной важности, которыя наглядно доказали всѣмъ, еще сомнѣвающимся въ успѣхѣ революціи, что народъ дѣйствительно побѣдилъ и уже крѣпко держитъ власть въ своихъ рукахъ.

Событія эти:--Назначеніе Совѣта Министровъ и отреченіе императора Николая второго отъ Всероссійскаго престола.

Въ этотъ день Временный Комитетъ издалъ такой Указъ:

„Граждане! Временный Комитетъ членовъ Государственной Думы, при содѣйствіи и сочувствіи столичныхъ войскъ и населенія, достигъ въ настоящее время такой степени успѣха надъ темными силами стараго режима, которая позволяетъ ему приступить къ болѣе прочному устройству исполнительной власти.

Для этой цѣли Временный Комитетъ Государственной Думы назначаетъ Министрами перваго общественнаго кабинета слѣдующихъ лицъ, довѣріе къ которымъ страны обезпечено ихъ прошлой общественной и политической дѣятельностью.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ—Г. Е. Львовъ, Министръ иностранныхъ дѣлъ—П. Н. Милюковъ, Министръ Военный и Морской—А. И. Гучковъ, Министръ Путей Сообщенія—Н. В. Некрасовъ, Министръ Торговли и промышленности—А. И. Коноваловъ, Министръ Народнаго просвѣщенія—А. А. Мануйловъ, Министръ Финансовъ--М. И. Терещенко, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода—В. Н. Львовъ, Министръ Земледѣлія—А. И. Шингаревъ и Министръ Юстиціи—А. Ф. Керенскій.

Программа кабинета:

Въ своей настоящей дѣятельности кабинетъ будетъ руководиться слѣдующими основаніями:

1. Полная немедленная амнистія по всѣмъ дѣламъ политическимъ и религіознымъ, въ томъ числѣ террористическимъ покушеніямъ, военнымъ возстаніямъ, аграрнымъ преступленіямъ и т. д.

2. Свобода слова, печати, союзовъ, собраній, стачекъ, съ распространеніемъ политической свободы на

военнослужащихъ въ предпріятіяхъ, допустимой военно-техническими условіями.

3. Отмѣна всѣхъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій.

4. Немедленная подготовка къ созыву на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія Учредительнаго Собранія, которое установитъ форму правленія и конституцію страны.

5. Замѣна полиціи народной милиціей, съ выборнымъ начальствомъ, подчиненнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

6. Выборы въ органы мѣстнаго самоуправленія на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія.

7. Неразоруженіе и невыводъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи.

8. При сохраненіи строгой воинской дисциплины въ строю, при несеніи военной службы, устраненіе для солдатъ всѣхъ ограниченій въ пользованіи общественными правами, предоставленными всѣмъ остальнымъ гражданамъ.

Временное Правительство считаетъ своимъ долгомъ присовокупить, что оно отнюдь не намѣрено воспользоваться военными обстоятельствами для какого либо промедленія по осуществленію вышеизложенныхъ реформъ и мѣропріятій.

Подписали Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко, Предсѣдатель Совѣта Министровъ Князь Львовъ и Министры: Милюковъ, Некрасовъ, Коваловъ, Мануйловъ, Терещенко, В. Львовъ, Шингаревъ, Керенскій.

Вновь назначенные министры говорили рѣчи къ народу и Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ призывая къ согласію и дружной защитѣ, какъ родины отъ враговъ внѣшнихъ, такъ и только что завоеванной свободы—отъ враговъ ея, сторонниковъ стараго порядка.

Въ ночь второго марта на третье императоръ Николай Второй въ Псковѣ подписалъ послѣдній свой манифестъ, манифестъ объ отреченіи отъ престола въ пользу брата своего Михаила. Но на другой день

отрекся отъ престола и Михаилъ, предоставивъ самому народу на Учредительномъ Собраніи установить форму Правленія.

Этими двумя актами первая стадія революціи, стадія разрушенія стараго, отжившаго и ненавистнаго порядка и была закончена. Старая власть свергнута, поставлена новая волею народа, возстановленъ порядокъ, осталась вторая стадія революціи—стадія внутренняго строительства, преобразованія жизни на новыхъ началахъ гражданской свободы и равноправія.

Правда, въ провинціи, особенно въ отдаленныхъ углахъ необъятной Россіи освободительное движеніе только что начиналось, но тамъ, гдѣ было рѣшительное сраженіе, оно было уже закончено, и поле битвы осталось за возставшимъ народомъ.

Теперь посмотримъ, что происходило въ провинціи, какъ тамъ отразились Петроградскія событія и какой нашли откликъ. Москва, какъ и слѣдовало ожидать, первою откликнулась на Петроградскія событія.

Еще 25 февраля сюда доходили слухи о начавшихся волненіяхъ въ Петроградѣ, а двадцать седьмого редакціями газетъ по телефону были получены свѣдѣнія о государственномъ переворотѣ и объ образованіи Новаго Правительства. Стало быть Москва узнала о государственномъ переворотѣ въ тотъ же день, какъ онъ совершился. Пріѣзжающіе изъ Петрограда разсказывали объ уличныхъ столкновеніяхъ народа съ полиціей и войсками, эти вѣсти тотчасъ же со всякими добавленіями разносились по городу. Началось отвѣтное движеніе.

28 съ утра забастовали заводы, остановился трамвай. На улицахъ появились толпы народа, которыя съ красными флагами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двигаясь по улицамъ, обезоруживали полицію; и къ полудню всѣ полицейскіе посты были сняты. На площадяхъ стояли патрули пѣхоты и конные жандармы. Толпы подходили къ солдатамъ и вступали съ ними въ разговоры, выясняя событія и призывая не стрѣлять въ народъ. На Воскресенской площади, противъ Городской думы собрались громадныя толпы; вскорѣ образовался митингъ, который длился до поздняго вечера.

Образовался Совѣтъ рабочихъ депутатовъ; изданы два воззванія къ народу и къ солдатамъ, которые тотчасъ же и пошли по рукамъ при крикахъ „ура“ и „браво“. Стали являться и представители отъ воинскихъ частей съ выраженіемъ желанія присоединиться къ народному движенію.

Перваго марта уже весь городъ былъ на ногахъ. Съ утра по всѣмъ улицамъ съ красными флагами и пѣніемъ потянулись толпы ликующаго народа, направляясь къ Кремлю. Стали подходить и войска, принявшія сторону народа. Они шли съ красными флагами и музыкой, и восторженно привѣтствовались народомъ. На Воскресенской площади противъ Думы выстроились: и пѣхота, и кавалерія и артиллерія.

Около часу дня былъ занятъ Кремль; на Красной площади выстроилась артиллерія, угрожая арсеналу,— и въ два часа арсеналъ сдался.

Часть революціонныхъ войскъ окружила манежъ, гдѣ укрылись войска не хотѣвшія признать Новое Правительство, и заявила имъ, что если они не сдадутся, то манежъ подвергнется бомбардировкѣ. Послѣ краткаго совѣщанія и эти сдались безъ кровопролитія.

Къ полуночи этого дня въ Москвѣ не было ни одной части войскъ, не присоединившейся къ народному движенію.

Арестованы: командующій войсками, генералъ Мрозовскій, градоначальникъ, генералъ Шебеко и губернаторъ Татищевъ. Разбиты тюрьмы и освобождены всѣ политическіе. При чемъ изъ Бутырской тюрьмы въ суматохѣ вырвалось множество уголовныхъ, тотчасъ же принявшихся за грабежъ. Но на другой же день почти всѣ они были переловлены и снова водворены въ тюрьму.

Еще наканунѣ въ пользу освобожденныхъ борцовъ за свободу было собрано 31,300 руб. На другой день пожертвованія достигли милліона.

Второго марта тоже движеніе. Несмѣтныя толпы народа на улицахъ и на площадяхъ. Временный Исполнительный Комитетъ безпрерывно засѣдаетъ въ Думѣ, давая распоряженія, а по площади передъ Думой съ развернутыми знаменами, подъ начальствомъ

своихъ офицеровъ и при звукахъ музыки, проходятъ войска.

Это вызываетъ неистовые восторги публики. Гремитъ несмолкаемое „ура“. Къ офицеру около Думы подходятъ два англійскихъ офицера и съ восторгомъ заявляютъ: „Мы знали, что Россія великая страна, но мы не знали, что у васъ такая прекрасная дисциплина. Мы счастливы, что являемся свидѣтелями незабываемыхъ дней“.

И въ другихъ городахъ освободительное движеніе протекало вполнѣ дружно и спокойно. Много способствовало этому то, что власти растерялись отъ неожиданности и тотчасъ же выпустили изъ рукъ бразды правленія, а главное было въ томъ, что у стараго правительства и у стараго порядка осталось слишкомъ мало друзей. Такъ оно насолило, такъ оно надоѣло всѣмъ, что даже нѣкоторые члены царской фамиліи отвернулись отъ него.

Курскій губернаторъ, напримѣръ, тотчасъ же по полученіи телеграммы Родзянко и Бубликова, бѣжалъ изъ города, другіе губернаторы, какъ напримѣръ Казанскій, мирно переходили на сторону Новаго Правительства. И только въ Твери возбужденной толпою былъ убитъ губернаторъ Бютингъ, нѣмецъ, побочный сынъ германскаго императора Вильгельма I-го.

Отовсюду въ Государственную Думу летятъ телеграммы съ выраженіемъ радости и благодарности и признаніемъ власти Народнаго Правительства.

И къ третьему марта уже не было ни одного города въ Центральной Россіи, который не призналъ бы новую власть и не послалъ бы ей своихъ сердечныхъ привѣтствій.

Гнойный нарывъ самодержавія, такъ долго назрѣвавшій, наконецъ прорвался почти безъ боли для тѣла страны. Цѣпи рабства настолько истлѣли, что пали какъ паутина отъ дуновенія вѣтра.

Народъ пробудился отъ тяжелаго, кошмарнаго сна. Новыми просвѣтленными очами взглянулъ онъ кругомъ, и разомъ рухнули стѣны деспотизма, грозная царская власть разсѣялась, какъ дымъ.

Но что же въ это время, въ эти великіе дни жизни Русскаго народа дѣлалъ Русскій царь со своими приближенными, съ этими властными временщиками, не признававшими ни правъ народныхъ, ни закона, которыхъ народная молва давно уже мѣтко окрестила „придворной кликой“, „придворной камарильей“, а въ послѣднее время назвала „темными силами“? Что же они дѣлали? А они настолько были увѣрены въ своей власти и силѣ, что первые дни народнаго возстанія ничего не дѣлали и безпечно пировали, какъ библейскій царь Валтасаръ передъ паденіемъ Вавилона.

Они, какъ и тѣ властители, настолько были ослѣплены сознаніемъ своего могущества и пьянствомъ, что не въ состояніи были видѣть и прочесть грозныхъ предупреждающихъ словесъ, огненными буквами начертанныхъ рукою Провидѣнія на стѣнахъ ихъ чертоговъ. Прошлое, а особенно легкая побѣда надъ революціей 1905 года, увѣрили ихъ, что съ народомъ церемониться нечего и бояться его не слѣдуетъ. Это— „сволочь“ и „хулиганы“, для усмиренія которыхъ достаточно сотни казацкихъ нагаекъ.

22-го февраля, когда началось революціонное движеніе и назрѣвалъ роспускъ Государственной Думы, царь уѣхалъ въ Ставку—къ войскамъ, какъ обычно и раньше дѣлалъ, не придавая начавшемуся народному движенію никакого значенія. Онъ давно привыкъ къ народнымъ волненіямъ. Они захватывали двѣ трети его царствованія, начиная съ 1901 года. Но такъ какъ всѣ народныя волненія, не исключая и возстанія 1905 года, кончались сравнительно благополучно для царской власти, то и на этотъ разъ ни царь, ни его приближенные—вѣрные спутники и совѣтники—не придали совершавшимся событіямъ серьезнаго значенія.

Въ царской ставкѣ въ Могилевѣ жизнь продолжала идти своимъ порядкомъ; своимъ порядкомъ шла жизнь и въ Царскомъ Селѣ, гдѣ осталась царица съ дѣтьми.

„Событія въ Петроградѣ явились для царской ставки полной неожиданностію и свалились на царскую свиту, какъ снѣгъ на голову,—разсказываетъ лейбъ-медикъ Федоровъ, постоянно сопровождавшій императора и лѣчившій бывшаго наслѣдника.

Но самъ государь, говоритъ онъ, несомнѣнно зналъ обо всемъ происходившемъ въ Петроградѣ, такъ какъ начальникъ Штаба генералъ Алексѣевъ докладывалъ ему всѣ полученныя отъ М. В. Родзянко телеграммы и сообщалъ обо всемъ происходящемъ въ Петроградѣ. Онъ пытался убѣдить царя пойти на уступки, но успѣха не имѣлъ.

Подтвержденіемъ того, что царь и царица знали все или по крайней мѣрѣ многое, служитъ ихъ обоюдная переписка за время съ 25 по 28 февраля.

„Сегодня въ городѣ спокойно. „Аликъ", такъ заканчивала царица одну изъ своихъ телеграммъ, посланныхъ царю 25 февраля.

Но уже въ 9 часовъ вечера этого дня она телеграфируетъ царю. „Совсѣмъ нехорошо въ городѣ. Хочу, чтобы старикъ (графъ Фредериксъ) опубликовалъ, что всѣ трое заболѣли нѣсколько дней тому назадъ корью и все идетъ нормально, чтобы избѣжать толковъ. Аликъ".

Днемъ 26 числа посланную телеграмму царица заканчиваетъ такъ: „Очень безпокоюсь относительно города". А вечеромъ телеграфируетъ на англійскомъ языкѣ: „Революціонное движеніе продолжаетъ распространяться".

27 февраля днемъ царица сообщаетъ супругу телеграфно: „Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было".

Черезъ два часа она снова телеграфируетъ: „Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Многія войска перешли на сторону революціи".

Въ одиннадцать часовъ вечера была царемъ получена новая телеграмма съ увѣдомленіемъ, что и въ Царскомъ Селѣ неспокойно. Телеграмма заканчивалась убѣдительной просьбой — немедленно пріѣхать въ Царское Село.

И вотъ послѣ этого-то было приказано лицамъ свиты государя немедленно приготовиться къ отъѣзду. Никто не зналъ въ чемъ дѣло, къ чему такая спѣшность. Всѣ замѣтили только, что государь и генералъ Алексѣевъ чаще, чѣмъ раньше, между собой бесѣдуютъ и о чемъ-то совѣщаются.

Не смотря на спѣшныя приготовленія, царскій поѣздъ отошелъ только въ 5 час. утра на 28 февраля. Оба царскихъ поѣзда отправились окружнымъ путемъ на Лихославль и Тосно, въ своемъ обычномъ составѣ. Впереди шелъ поѣздъ съ лицами свиты. Никакой охраны кромѣ обычной съ царскими поѣздами взято не было. Въ Лихославлѣ узнали отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ объ извѣстной телеграммѣ Члена Государственной Думы А. А. Бубликова, что онъ вступилъ въ управленіе желѣзными дорогами и что получена телеграмма отъ коменданта Николаевскаго вокзала, поручика Грекова съ приказомъ: оба царскихъ поѣзда отправить не въ Царское Село, а въ Петроградъ.

Объ этихъ телеграммахъ было доложено дворцовому коменданту генералу Воейкову, который приказалъ немедленно ѣхать дальше. Въ 12 часовъ ночи, 28 февраля, царскій поѣздъ пришелъ на станцію Бологое. Здѣсь отъ одного изъ офицеровъ желѣзнодорожнаго баталіона были получены свѣдѣнія, что Тосно и Любань заняты возставшими войсками. Однако, генералъ Воейковъ приказалъ ѣхать дальше.

Въ 3 часа ночи, какъ передаетъ „Утро Россіи“, оба царскихъ поѣзда, шедшихъ полнымъ ходомъ, каждый съ двумя большими американскими паровозами, прибыли на станцію Вишера.

Спутники царя много пили, а адмиралъ Ниловъ настойчиво уговаривалъ и государя дѣлать тоже.

На станціи Вишера въ 2 часа ночи, когда оба поѣзда стояли въ тупикѣ и набирали воду, государь проснулся, вышелъ въ столовую, вызвалъ Нилова изъ сосѣдняго вагона и спросилъ:

—Скажите, что же творится въ Петроградѣ?

Ниловъ отвѣчалъ:

—Большіе безпорядки. Но не такіе, чтобы ихъ нельзя было подавить въ одинъ—два дня.

Въ это время въ вагонъ вошелъ Воейковъ и сказалъ:

—Сейчасъ здѣсь на станціи Вишера получена юзограмма, изъ которой видно, что изъ Могилева на станцію Дно идетъ поѣздъ съ 700 Георгіевскихъ кавалеровъ. Государь, этихъ доблестныхъ героевъ довольно,—сказалъ Воейковъ,—ихъ достаточно для того,

чтобы ваше величество, окруженные этой славной свитой, могли явиться въ Царское Село. Тамъ вы станете во главѣ вѣрныхъ вашему величеству войскъ Царскосельскаго гарнизона и двинитесь въ Петроградъ къ Государственной Думѣ. Тамъ взбунтовавшіяся войска вспомнятъ царскую присягу и сумѣютъ справиться съ молодыми солдатами и революціонерами.

Въ этотъ моментъ въ поѣздъ вошелъ генералъ-маіоръ Цабель.

—Все это ложь, государь! Васъ обманываютъ. Вотъ телеграмма. Смотрите она помѣчена: „Петроградъ, комендантъ Николаевскаго вокзала поручикъ Грековъ". Вы видите, что тутъ предписывается: Задержать на станціи Вишера поѣздъ лит. А. А затѣмъ направить его въ Петроградъ, а не въ ЦарскоеСело.

Государь вскочилъ.

—Что это, бунтъ? Поручикъ Грековъ командуетъ Петроградомъ!

Тогда Цабель сказалъ.

—Ваше величество, въ Петроградѣ 60,000 войскъ во главѣ съ офицерами уже перешли на сторону Временнаго Правительства. Ваше величество объявлены низложеннымъ. Родзянко объявилъ по всей Россіи о вступленіи въ силу новаго порядка. Ѣхать впередъ нельзя: На всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ распоряжается депутатъ Бубликовъ.

Въ крайнемъ изумленіи, растерянности и гнѣвѣ государь воскликнулъ:

—Но почему же мнѣ ничего не сказали раньше объ этомъ? Почему говорятъ только сейчасъ, когда все кончено?

Но черезъ минуту онъ со спокойной безнадежностью сказалъ:

—Ну и слава Богу! Если потребуетъ народъ, я отрекусь и поѣду къ себѣ въ Ливадію въ садъ. Я такъ люблю цвѣты.

Цабель развелъ руками и вышелъ изъ вагона.

А Воейковъ, поручивъ государя Нилову, вышелъ изъ поѣзда и приказалъ вывести поѣздъ изъ тупика, чтобы двинуться впередъ. Въ это время смазчики попортили паровозъ поѣзда лит. А. Пришлось взять па-

ровозъ свитскаго поѣзда. Это потребовало полчаса. Ѣхавшіе съ государемъ 15 человѣкъ конвойцевъ вышли и слѣдили, чтобы не попортили второй паровозъ. Такъ на разсвѣтѣ второго марта двинулся этотъ послѣдній царскій поѣздъ Николая второго на станцію Бологое, имѣя цѣлью во чтобы то ни стало прорваться въ Царское Село. Когда поѣздъ перешелъ на Виндавскую дорогу, недалеко отъ стан. Дно была получена телеграмма, что гарнизонъ Царскаго Села тоже всталъ на сторону народа и что покинутая войсками императрица черезъ коменданта Царскосельскаго дворца просила Родзянко и Государственную Думу оказать защиту царской семьѣ. Въ ней сообщалось также, что весь гарнизонъ Петрограда находится во власти Государственной Думы, что къ ней со всѣхъ сторонъ сходятся войска и депутаціи и что жандармскія власти тоже признали новый порядокъ.

Государь задумался, потомъ сказалъ:

—Поѣхать въ Москву? Мрозовскій говорилъ, что Москва всегда отстоитъ меня.

На станцію Дно пришла новая депеша, которая сообщала, что *Московскій гарнизонъ цѣликомъ на сторонѣ Новаго Правительства, что арестованы всѣ власти и что въ Москвѣ нѣтъ иныхъ войскъ кромѣ народныхъ*. Тогда царскій поѣздъ сталъ метаться отъ Дна до Бологова и обратно, тщетно стараясь прорваться куда нибудь. Наконецъ, на станціи Дно встрѣтили генерала Иванова, который доложилъ государю обо всемъ происходящемъ въ столицахъ и сказалъ:

—Революціонеры взяли въ свои руки власть. Теперь единственное спасеніе—ѣхать въ арімю.

Одно изъ присутствующихъ лицъ изъ состава свиты государя подтверждаетъ, что *въ эту минуту генералъ Воейковъ воскликнулъ:*

—Теперь остается одно: открыть Минскій фронтъ нѣмцамъ и пусть германскія войска придутъ для усмиренія этой сволочи!

Адмиралъ Ниловъ, какъ ни былъ пьянъ, возмутился и сказалъ: врядъ ли это удобно. Вѣдь они заберутъ Россію и потомъ вамъ не возвратятъ. Воейковъ продолжалъ настаивать, увѣряя, что, по словамъ Васильчиковой, императоръ Вильгельмъ воюетъ, не

съ Николаемъ, а съ Россіей, питающей противодинастическія стремленія.

Государь отвѣчалъ на это:

— Да, объ этомъ много разъ говорилъ Григорій Ефимовичъ (Распутинъ), но мы его не слушали. Это можно было сдѣлать, еще когда германскія войска стояли подъ Варшавой; но я никогда не измѣнилъ бы Русскому народу.

Сказавъ эти слова, государь заплакалъ.

Затѣмъ помолчавъ, прибавилъ:

Если бы только уцѣлѣли въ рукахъ этихъ мужиковъ мои дѣти и жена, я уѣхалъ бы въ Ливадію и тамъ мирно бы доживалъ свой вѣкъ. А Михаилъ пусть правитъ, какъ знаетъ, его кстати и любятъ.

Послѣдній разъ, говоритъ корреспондентъ, я видѣлъ Николая второго въ четыре час. 30 мин. утра въ шагахъ двадцати отъ вокзала стан. Русса. Онъ вышелъ на площадку землисто-блѣдный, въ солдатской шинели съ защитными полковничьими погонами; его папаха была сдвинута на затылокъ. Онъ нѣсколько разъ провелъ рукой по лбу, разсѣяннымъ взглядомъ обвелъ станціонныя постройки. Съ нимъ рядомъ, тяжело покачиваясь, стоялъ совершенно пьяный адмиралъ Ниловъ и что-то напѣвалъ. Постоявъ недолго, Николай второй вошелъ обратно въ вагонъ. Поѣздъ тронулся.

Вмѣсто Царскаго Села царскій поѣздъ попалъ въ Псковъ, гдѣ въ ночь со 2 на 3-е марта царь и подписалъ отреченіе отъ престола.

На другой день послѣ отреченія царь поѣхалъ въ Ставку въ Могилевъ. Что его влекло туда—трудно сказать. Желалъ ли онъ проститься со своими окружающими и съ войсками, желалъ ли онъ уѣхать дальше отъ ненавистнаго и крамольнаго Петрограда, иль можетъ быть еще таилъ въ душѣ нѣкоторую надежду на поддержку войскъ фронта и возможность возврата къ прошлому—Богъ знаетъ.

Жилъ онъ, какъ и ранѣе, въ губернаторскомъ домѣ, но на прогулки пересталъ выходить; завтракалъ у себя вмѣстѣ съ лицами свиты. О происшедшихъ событіяхъ въ разговорѣ старались не упоминать.

Постановленіе Временнаго Правительства о лише-

нiи свободы отрекшагося императора и его супруги въ ставкѣ стало извѣстно въ тотъ же день вечеромъ т. е. 7 марта.

Выполненiе этого постановленiя по отношенiю къ царицѣ было поручено командующему войсками Петроградскаго военнаго округа генералу Корнилову.

Въ назначенное время генералъ Корниловъ прибылъ со своимъ штабомъ въ Малый царскосельскiй дворецъ.

—Чѣмъ я обязана вашему посѣщенiю?—спросила царица.

Генералъ Корниловъ, поднявшись съ мѣста, заявилъ:

—Я прiѣхалъ сюда по порученiю Совѣта министровъ и долженъ объявить вамъ постановленiе Временнаго Правительства.

Александра Феодоровна встала и твердо произнесла:—„Я васъ слушаю".

Когда генералъ Корниловъ началъ читать постановленiе Совѣта министровъ о лишенiи свободы бывшаго императора и его супруги, Александра Феодоровна сдѣлала жестъ рукой, какъ бы говоря:

—Не продолжайте!

Генералъ Корниловъ однако прочиталъ постановленiе Совѣта министровъ до конца, а затѣмъ добавилъ, что съ этого момента супруга отрекшагося императора объявляется лишенной свободы.

Исполнивъ порученiе Временнаго Правительства, генералъ Корниловъ уѣхалъ въ Петроградъ.

Арестъ явился для Александры Феодоровны полной неожиданностью.

Что же касается постановленiя Временнаго Правительства относительно Николая II, его выполненiе было возложено на членовъ Думы: А. А. Бубликова, С. Ф. Грибунина, В. М. Вершинина и С. А. Калинина.

Получивъ соотвѣтствующiй документъ отъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы и предписанiе Временнаго Правительства, комиссары въ 11 часовъ вечера 7-го марта экстреннымъ поѣздомъ выѣхали въ Могилевъ. Поѣздъ шелъ безъ всякой охраны.

Въ 3 часа дня поѣздъ прибылъ въ Могилевъ.

Бубликовъ передалъ генералу Алексѣеву предпи-

саніе Временнаго Правительства о лишеніи свободы бывшаго императора.

Николай II, въ это время находился на вокзалѣ въ поѣздѣ царицы-матери.

Когда все было готово, Николай второй перешелъ изъ вагона царицы-матери черезъ платформу въ свой поѣздъ. По пути его слѣдованія на платформѣ расположились пріѣхавшія на вокзалъ проводить его лица свиты, остававшіяся въ ставкѣ.

Царь былъ въ формѣ своего конвоя и, проходя въ вагонъ, держалъ руку подъ козырекъ. Онъ былъ блѣденъ, но хранилъ наружное спокойствіе. Окружающіе и находившіеся на перронѣ хранили гробовое молчаніе. У окна своего вагона стояла мать-царица, наблюдая за всѣмъ происходившимъ.

Такъ послѣ двадцати двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ своего несчастливаго царствованія Николай второй, недавно еще Самодержецъ Всероссійскій, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ владыкъ земныхъ сталъ простымъ гражданиномъ Николаемъ Романовымъ. Такъ исполнилась година лѣтъ, такъ мстила судьба за невниманіе къ голосу народа, за неисполненіе своего долга предъ страной, воспитавшей и возвеличившей его на первое мѣсто среди двухъ сотъ милліоновъ людей.

Сколько разъ къ этому, повидимому, скромному и мягкому владыкѣ обращалось сердце народа, открытое любящее! Но увы! Оно ни разу за двадцать два года не нашло отклика въ царевомъ сердцѣ. Это жестокое сердце на мольбы отвѣчало угрозами, на стоны и вопли, посылало свинецъ и сталь. Несчастная Японская война, безчисленныя жертвы революціи 1905 года, священная клятва царя даровать свободу въ манифестѣ 17 октября, черезъ мѣсяцъ вѣроломно имъ нарушенная. жестокое преслѣдованіе всякаго проявленія свободы во всѣ одиннадцать лѣтъ до послѣдняго момента,—граничащее съ издѣвательствомъ, съ явнымъ глумленіемъ надъ народомъ, не могли не довести народъ до отчаянія и до окончательной, рѣшительной расправы со своимъ вѣковымъ врагомъ. Были мгновенія, когда казалось, что русскій народъ уже

погибъ, потому что онъ настолько сталъ покоренъ и равнодушенъ ко всему, что даже на самыя грубыя издѣвательства, на самыя жестокія насилія отвѣчалъ молчаніемъ.

Думалось, что умерла душа народа, и не встать, не возродиться ей никогда. Но, къ счастью, оказалось иное. Огонь гнѣва не угасъ въ душѣ народной, онъ тлѣлъ, покрытый золой надеждъ и терпѣнія.

Но подулъ вѣтеръ войны; ущемилъ сердце нестерпимыми болями кровавый кошмаръ неисчислимыхъ жертвъ, измѣны, голода,—и разлетѣлся пепелъ. Яркимъ пламенемъ вспыхнулъ огонь народнаго гнѣва, и въ нѣсколько дней попалилъ все, что мучило и гнело душу народа.

Великое значеніе революціи, всѣея великія завоеванія мы сейчасъ даже не въ силахъ и понять и охватить умомъ. Повидимому все осталось постарому: такъ же жизнь течетъ, такъ же всѣ занимаются своими дѣлами, и солнышко свѣтитъ такъ же, и весна наступаетъ въ свое время, все такъ. Но, если вспомвимъ, что открылись тюрьмы и освобождены десятки тысячъ лучшихъ сыновъ родины, томившихся тамъ за благо народа; если вспомнимъ, что нѣтъ уже той власти, которая по первому капризу и навѣту могла схватить каждаго и лишить свободы, покоя и имущества; если вспомнимъ, что всѣ мы безъ различія національности и происхожденія получили право устроять свою жизнь, какъ сумѣемъ, и вѣровать, какъ тому научили насъ родители, не спрашиваясь и не страшась будочника и урядника, что отнынѣ слово и правда уже не скованы больше вынужденнымъ молчаніемъ и каждое малѣйшее и самое законнѣйшее право гражданина не придется покупать у полицейской власти цѣною безконечныхъ униженій и приношеній: мы поймемъ, что дѣйствительно совершилось великое, и не даромъ были принесены кровавыя жертвы. Уничтожена смертная казнь, проведена полная амнистія по дѣламъ политическимъ и религіознымъ; законнымъ порядкомъ закрѣплена свобода слова, печати, собраній, союзовъ и вѣроисповѣданія; въ корнѣ рефор-

мировано мѣстное самоуправленіе на основѣ всеобщаго избирательнаго права; кореннымъ образомъ реформирована и армія; узаконенъ восьмичасовой рабочій день; кооператоры получили законъ о кооперативахъ, котораго такъ долго и такъ безплодно ждало отъ стараго правительства трудовое населеніе; проводится въ жизнь мелкая земская единица въ видѣ волостного земства; произошло не на бумагѣ только, а на самомъ дѣлѣ уравненіе всѣхъ въ гражданскихъ правахъ, наконецъ, даровано равноправіе женщинѣ.— Вотъ первые, но великіе этапы пройденнаго пути за это краткое время Революціи.

Но всего скорѣе и глубже почувствуютъ значеніе совершившихся событій крестьяне, рабочіе и солдаты, которые до сихъ поръ лишены были самыхъ насущныхъ правъ человѣка. Теперь крестьянинъ сталъ равенъ - дворянину, потому что уничтожены сословныя преимущества; теперь онъ можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что земля не уйдетъ отъ него, а стало быть онъ получитъ возможность и выбиться изъ нищеты; теперь и рабочій можетъ смѣло на правахъ равнаго говорить съ хозяиномъ и требовать отъ него удовлетворенія своихъ законныхъ правъ, не боясь за это попасть въ тюрьму. Сразу, какъ по мановенію волшебнаго жезла, рѣзко измѣнилось и положеніе солдата: кромѣ чиновъ и строя онъ во всемъ сталъ равенъ офицеру. Развязаны скованныя руки. Всѣмъ открытъ доступъ на самыя высшія ступени государственной службы, если есть знаніе и таланты. Таковы первыя завоеванія дней Великой революціи.

Но все ли закончено великими событіями конца февраля мѣсяца и начала марта, и не лежитъ ли еще предъ народомъ и обществомъ какихъ невыполненныхъ задачъ?

Нѣтъ, далеко не все сдѣлано, многое еще предстоитъ совершить въ будущемъ, много неотложныхъ задачъ лежитъ предъ гражданами Свободной Россіи и сейчасъ. Самыя главныя изъ нихъ четыре:

Первая--закрѣпленіе за собою завоеванныхъ правъ, такъ сказать завершеніе побѣды надъ самодержавіемъ,

вторая—поддержаніе и соблюденіе порядка,

Третья задача—побѣда надъ врагами, благополучное окончаніе войны и наконецъ,

Четвертая—установленіе черезъ учредительное собраніе такого государственнаго порядка, такого управленія страной, которое было бы лучшимъ и отвѣчало бы желаніямъ всего народа.

Это очень важныя задачи, потому что побѣда безъ завершенія ея, можетъ скоро обратиться въ пораженіе, а если не будетъ въ ближайшее же время установленъ прочный государственный порядокъ, отвѣчающій желаніямъ большинства народа, тогда скоро могутъ начаться безпорядки, воспользовавшись которыми, сторонники самодержавія могутъ повернуть на старое и снова захватить власть въ свои руки.

Въ чемъ же заключается завершеніе побѣды? Что мы должны сдѣлать, чтобы свергнутый врагъ народной свободы снова не захватилъ ее и не сковалъ еще болѣе крѣпкими узами?

А для этого прежде всего должно быть полное, единеніе между всѣми, кто участвовалъ въ борьбѣ и кто дорожитъ одержанной побѣдой. Никакихъ раздоровъ, никакихъ разногласій по вопросу борьбы не должно быть между лицами временно держащими власть въ своихъ рукахъ.

Всѣ личные счеты, хотя бы они были и очень важные для насъ, пока должны быть оставлены... *Полное единеніе и согласіе только они помогутъ закрѣпить одержанную побѣду*. Это первое.
Второе—всѣ должны тщательно слѣдить за представителями и сторонниками старой власти, предупреждая попытки къ бунту противъ новаго порядка, всякія попытки злонамѣренныхъ людей вселить раздоръ, внести смуту. А *самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ этого является правильное пониманіе совершившихся событій и укрѣпленіе въ народныхъ массахъ правильнаго понятія о свободѣ и дарованныхъ правахъ*, потому что далеко не всѣ понимаютъ свободу правильно. Многіе понимаютъ ее и такъ, что разъ свобода дана, значитъ дѣлай, что хочешь. Но такое дикое и въ высшей степени вредное пониманіе свободы всячески надо искоренять. Всѣ должны знать, что настоящая народ-

ная свобода нисколько не похожа на самоуправство и безчинство и даже не сродни имъ.

Истинная свобода въ человѣческомъ обществѣ - есть право дѣлать все, что не запрещено закономъ и правилами общежитія, т. е. право жить и дѣйствовать такъ, чтобы не было отъ этого обиды и вреда другимъ. Какъ прежде нельзя было безъ разрѣшенія хозяина входить въ чужой домъ, такъ нельзя и теперь; какъ прежде нельзя было залѣзать въ чужой карманъ, ругаться и буйствовать, такъ нельзя дѣлать этого и теперь. Почему такъ? Да потому, что свобода свободой, а люди остаются людьми, потому что, получивъ свободу, мы не въ лѣсъ, не въ пустыню къ дикимъ животнымъ переселились, а остались на прежнемъ мѣстѣ въ томъ же человѣческомъ обществѣ, а стало быть по человѣчески и жить должны.

Свобода и равенство—это великія и священныя права человѣка, это—святыня народовъ всѣхъ временъ, за которую люди смѣло шли не только въ тюрьмы, но даже на костеръ и на плаху. А потому и относиться къ нимъ надо съ благоговѣніемъ, какъ къ величайшей религіозной святынѣ.

Нарушающій святое право свободы, обращающій ее въ буйство и насиліе, такой же кощунникъ, какъ если бы онъ наплевалъ на святое Евангеліе.

Но мало этого, люди не уважающіе правъ, и свободы ближняго, не исполняющіе законовъ и правилъ, установленныхъ теперь уже самимъ народомъ въ лицѣ народнаго правительства, являются такими же врагами свободы и народа, какими раньше были старыя власти, давившія народъ насиліемъ.

Особенно не должно быть самоуправства и своеволія съ землей. Земельный вопросъ—вопросъ всенародный и потому долженъ быть всецѣло предоставленъ рѣшенію Учредительнаго собранія*). Самовольное рѣшеніе его можетъ произвести такую смуту въ народѣ, которая погубитъ и свободу да вырветъ вмѣстѣ съ нею изъ рукъ крестьянина и землю, за которую онъ уже взялся и которая, при спокойно—благора-

---

*) Подробнѣе объ учредит. собраніи сказано въ книжкѣ „Ближайшія задачи“.

зумномъ отношеніи къ дѣлу, несомнѣнно въ самомъ ближайшемъ будущемъ перейдетъ къ нему.

Но кромѣ того самоуправный, немедленный дѣлежъ земли несомнѣнно вызоветъ и другое зло—это бѣгство солдатъ съ фронта, чѣмъ обнажится, откроется граница для непріятеля, а это грозитъ гибелью не только свободѣ, но и родинѣ.

Крѣпко надо помнить это не только самимъ крестьянамъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто руководитъ ими.

Наконецъ, въ тѣхъ же видахъ утвержденія порядка и закрѣпленія свободы всѣ должны безпрекословно подчиняться Временному Правительству изъ народныхъ представителей и властямъ отъ него поставленнымъ, *пока оно твердо и честно выполняетъ данныя имъ обязательства* и пока Учредительнымъ собраніемъ не будетъ установлена постоянная народная власть.

Это необходимо и для того, чтобы не помѣшать нашей доблестной арміи благополучно окончить войну, чтобы не помѣшать и созыву Учредительнаго собранія, для скорѣйшаго установленія въ Россіи законнаго и твердаго порядка по гласу всего народа. Укрѣпленіе свободы, поддержаніе и соблюденіе порядка, побѣда надъ врагами и учредительное собраніе, вотъ тотъ маякъ изъ четырехъ свѣтильниковъ, къ которому мы всѣми силами должны стремиться теперь, ибо только при такихъ условіяхъ, установится правильная государственная жизнь, улягутся волненія и каждый получитъ возможность спокойно заняться дѣлами, какъ на пользу личную, такъ и на благо своей родины, Великой Свободной Россіи.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА НОВЫЯ КНИГИ:

БУРСА

повѣсть изъ соврем. жизни духовныхъ семинарій и духовенства. Стр. 368. **Цѣна 1 р. 50 к.**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

..„Много тутъ написано правдиваго и скорбнаго и о семинарской учебѣ, и о семинарской религіозности, и о надзорѣ"..

Старообр. епископъ *Михаилъ*.

„Положительную сторону книги Шадрина составляетъ ея правдивость; при отсутствіи выдумки авторъ, повидимому, разсказываетъ все, какъ было, и только то, что было. И прочитать его стоитъ для того, чтобы убѣдиться, какъ мало въ сущности „Бурса" измѣнилась со временъ Помяловскаго.

„Русск. Вѣдом.".

„Бурса г. Шадрина—человѣческій документъ, заслуживающій самаго серьезнаго вниманія".

А. Ожиговъ. „Совр. Слово".

...„Иларій Шадринъ создалъ намъ новую „Бурсу". Онъ еще глубже, чѣмъ Помяловскій, заглянулъ въ душу бурсаковъ, вытащилъ ихъ наружу и показалъ обществу то воспитаніе, которое даютъ въ современныхъ семинаріяхъ наши педагоги—формалисты"—будущимъ проповѣдникамъ слова Божія, будущему духовенству, отъ котораго требуютъ, чтобы оно, получившее жалкое, искалѣченное воспитаніе, приносило пользу и церкви, и обществу".

„Сѣвер. Эхо".

СИЛЬНѢЕ СМЕРТИ

разсказы изъ русскаго быта послѣднихъ десяти лѣтъ Стр. 263. **Цѣна 1 руб.**

ЮНЫЙ ГЕРОЙ

разсказы для дѣтей. Изд. 1915 г. **Цѣна 50 к.**

Складъ изданій: Кни—во „Жизнь и Знаніе", Петроградъ, Поварской пер. 2, кв. 9—10.

Вятка: магазинъ И. И. Ончукова (Спасская ул.).

[illegible]

Что такое кооперація и какая отъ нея польза.

Изданіе 3-е. Цѣна 25 коп.

Первые шаги Общества Потребителей.

Изданіе 2-е. Цѣна 15 коп.

Разсказы изъ кооперативной жизни:

К У З Я.

Изданіе 2-е. Цѣна 15 коп.

ПЕРВАЯ ПОБѢДА.

Изданіе 2-е. Цѣна 15 коп.

НОВАЯ УЗДА.

Цѣна 15 коп.

Сія творите и оныхъ не оставляйте.

Цѣна 20 коп.

Е Р Е Т И К Ъ.

Цѣна 35 коп.

На темы переживаемаго момента:

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ.

Цѣна 15 коп.

Учредительное собраніе и демократическая республика.

Цѣна 20 коп.

Когда можно кончить войну?

Цѣна 20 коп.

Константинополь и проливы.

Цѣна 10 коп.

Вся земля—всему народу.

Цѣна 20 коп.

Казань. Книжн. магазинъ В. Ф. Маркелова и В. А. Шаронова. Воскресенская ул.

Складъ изданій: **ВЯТКА.** Вятское товарищество кооперативовъ по посредничеству.

